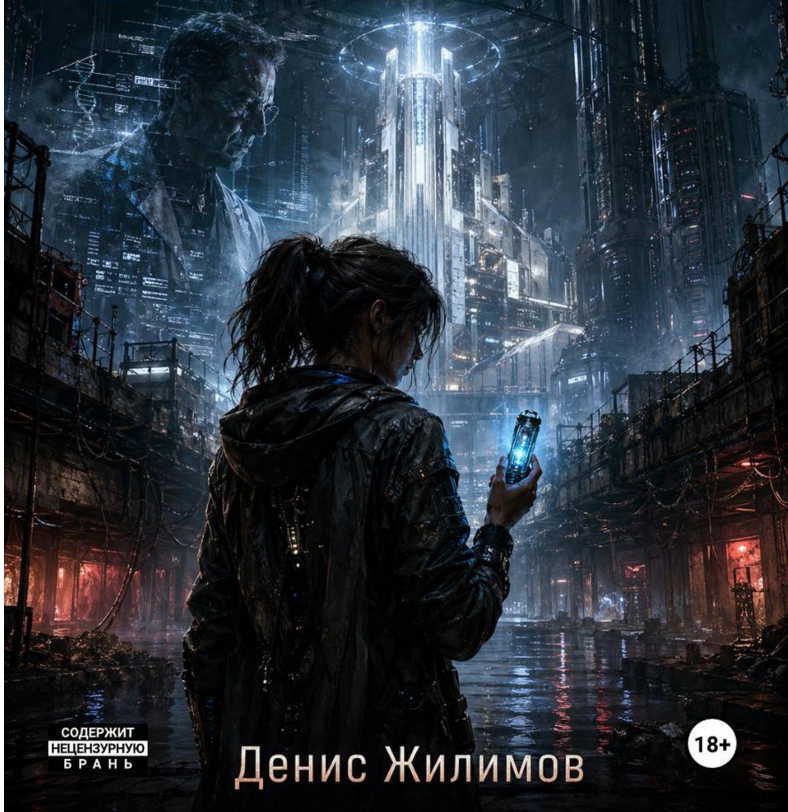

ЦЕНА БЕССМЕРТИЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Денис Жилимов

18+

Денис Жилимов

Цена бессмертия

<https://litres.ru/73915314>

SelfPub; 2026

Аннотация

В «Олимпе» научились побеждать смерть. Так говорят тем, кто готов заплатить за бессмертие.

Доктор Артур знает правду: «Купель» не переносит человека, а стирает всё лишнее, оставляя удобную копию. Чтобы раскрыть обман, он выносит из центра капсулу «Генезис-1» и передаёт её дочери Алисе.

С этого момента Алиса становится целью. За ней идут люди корпорации, наёмники и те, кто привык возвращать любые активы любой ценой. Единственный шанс выжить — доставить доказательство туда, где его смогут прочитать.

Но «Генезис-1» может оказаться не только уликой. Возможно, это начало новой войны за право быть человеком.

Содержание

ГЛАВА 1. Выбор	4
ГЛАВА 2. Незваные гости	26
ГЛАВА 3. Приговор	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Денис Жилимов

Цена бессмертия

ГЛАВА 1. Выбор

За стенами ночного «Олимпа» ровно гудели насосы и стойки охлаждения. Обычно я замечал этот шум только при сбоях — как мигрень, с которой прожил последний год. Сегодня он меня раздражал и мешал читать.

Я прижимал ладонь к стеклу главного терминала «Феникса». По экрану ползли строки, которые сам же когда-то научил систему прятать. Служебный доступ «Генезиса» открыл короткое окно, и я успел зайти под фильтры раньше, чем ночная проверка закрыла лазейку.

Ошибка оказалась смешной: один неверный адрес в таблице исключений. За такие ошибки я выгонял стажёров из лаборатории, заставлял перепроверять весь модуль и потом ещё неделю ворчал на совещаниях. Теперь чужая опечатка показывала мне то, чего я не видел за годы собственной работы.

Я открыл первую запись. Сеанс 04-117, женщина пятидесяти трёх лет, инженер по системам водоочистки. Перед миграцией она назвала себя, перечислила допуски и попросила сохранить одно личное воспоминание: мать в красной курт-

ке, державшая её на руках в эвакуационном автобусе.

После девятого сеанса женщина снова назвала себя и без ошибки перечислила допуски. На вопрос о матери она молчала одиннадцать секунд, а потом попросила уточнить служебную необходимость запроса.

Я перемотал запись назад. Красная куртка. Автобус. Мать, державшая её на руках.

В журнале фильтра напротив этого фрагмента стояло обозначение: эмоционально избыточная рекурсия, класс три, удалить как шум.

Пальцы соскользнули со стекла. Я вытер ладонь о халат и открыл следующую запись, хотя уже понимал, что увижу. Потом ещё одну.

Девять сеансов миграции. Сука, девять — и всякий раз один и тот же всплеск в зонах эпизодической памяти и самоидентификации. «Феникс» переносил речь, навыки, двигательные привычки; всё, что не проходило порог пригодности, отправлял в обнулённые сектора.

Шум не исчезал сразу. Остаточная активность держалась часами, иногда сутками, и медленно затихала, пока новое тело уже вставало из Купели. В отчётах эти сознания называли мягко: отплывающие.

Я ударил по панели обеими ладонями. Пластик хрустнул. Боль прострелила запястья, ноги подкосились, и я повис на краю стола, переживая белую вспышку перед глазами.

Первой мыслью было закрыть окно. Просто выйти, сте-

реть след служебного доступа и утром сказать себе, что ночная смена, мигрень и спирт из фляжки сложились в одну убедительную ошибку. Я даже навёл курсор на завершение сеанса.

В этот момент на соседней панели всплыло утреннее расписание.

Алиса Вольт. Предварительный допуск к оценке пригодности. 08:40. Первая ступень перед Купелью. Я прочитал строку трижды.

Каждый второй фильтр в «Фениксе» был моим. Я жил этим проектом так долго, что перестал отделять его от себя. Помнил день подписания контракта: чернила, бумага, мой нелепый завиток. D протянул ручку и сказал: «Так будет человечнее». Я тогда рассмеялся и ещё вечером рассказывал Алисе, что попал в историю. Теперь её имя стояло в очереди на обработку этой историей.

До дома в среднем ярусе было далеко. До Старого Костяка — минут пятнадцать пешком, если она уже вышла гулять. Я посмотрел на часы: меньше часа до закрытия ночного окна. Протокол D находил утечки быстрее, чем виновный успевал придумать правдоподобную ложь.

Под кожей левого предплечья тянуло старый шрам. Там находился «Генезис-1».

В институте его называли ключом от системы. Меня бесило это слово: ключ можно выточить заново, а эту штуку — нет. На деле это был эталонный сид, снятый с первого носи-

теля ещё до того, как в ядро встроили фильтры. В нулевом слое личность хранилась целиком, без деления на полезное и шум.

Мы пытались копировать чип. Каждая копия давала дефект при первом же обмене с живым контуром. Старые инженеры умели запира́ть двери лучше, чем мы — их вскрывать. Поэтому оригинал вживили мне: без моего нейронного рисунка и биометрии он оставался плоским куском титана. Во всяком случае, в это верил D.

Я сел и попробовал унять дрожь дыханием. На четвёртом вдохе стало только хуже. Тогда достал фляжку, хлебнул — слишком много — и промахнулся по первой строке команды. Терминал мигнул жёлтым.

— Заткнись. Знаю.

Собственный голос прозвучал тонко. Я оглянулся на дверь лаборатории. За матовым стеклом никого не было, только раз в несколько секунд проходила синяя полоса дежурного сканера.

На таймере стояло 47:00 — окно глубокой диагностики имплантов.

— И никаких имплантов у меня, конечно, нет, — пробормотал я.

По реестру «Генезис-1» считался ключом, а не имплантом. На этой канцелярской разнице держался весь план. Во время диагностики телеметрия защитного контура уходила в отложенный буфер. «Скафандром» в документах называ-

ли комбинезон, датчики подкладки и внешний слой связи — старое слово, пережившее настоящие скафандры.

Аварийный коридор придумал я сам ещё при строительстве «Феникса»: техникам требовалось проходить по старым артериям базы, не будя центральное ядро. Он открывался только ночью и только под допуском уровня «Генезиса». Когда буфер выплюнет расхождения, мне нужно быть уже за пределами «Олимпа».

Я вызвал диагностику. Подтверждение требовало отпечатка и подписи голоса.

— Артур Вольт. Регламентная проверка контура, — сказал я.

Система не приняла образец: частота дыхания вышла за допустимый диапазон.

Я закрыл глаза, сосчитал до десяти и повторил. На слове «регламентная» голос снова дрогнул, но индикатор стал зелёным.

Команда прошла со второй попытки. Телеметрия ушла в буфер, на экране появилась резервная сессия — только я подменил её активную, а не наоборот.

— Сука.

Я полез отменять команду и увидел, сколько потерю времени. Отмена поднимала журнал коррекции, журнал требовал второго оператора, а второго оператора в ночной лаборатории не было. Пришлось оставить ошибку и поверх неё набирать маскирующий лог.

В строке получилось «перекалибровка квантовых матриц». Я стёр её и набрал заново. На этот раз проверил каждую букву пальцем, как школьник.

За дверью остановились шаги. Я замер. Синяя полоса сканера прошла по стеклу, задержалась у косяка и двинулась дальше. Кто-то кашлянул в коридоре, зашуршал упаковкой и ушёл. Наверное, уборщик. Наверное.

Ладони стали мокрыми. Я вытер их снова и открыл сектор записи «Генезиса-1».

Оставалось записать вирус, а потом вынуть чип из руки.

Код должен был проснуться при подключении к ядру и искалечить логику «Феникса». Д подключил бы чип сам: всё важное он запускал лично, чтобы система первой назвала его инициатором. Я знал эту его слабость и годами принимал её за преданность работе.

Полоса записи поползла почти до трети и застыла. На экране появилось: «Несовпадение контрольного контура».

Я запустил обходной протокол, потом второй. На третьем терминал пискнул и сбросил сессию в безопасный режим. В чип успели уйти только обрывки вируса. Этого не хватило бы даже на сбой при запуске.

Я просидел несколько секунд, глядя на красную строку. В голове было пусто. Все мои красивые схемы заканчивались здесь: в неверной команде.

Можно было уйти. Чип оставался во мне, Д ещё не знал об утечке, а Алису, возможно, признали бы непригодной. Я

почти убедил себя, что оценка — это ещё не Купель. На соседнем экране продолжала гореть строка 08:40.

Пока система восстанавливала сессию, я открыл архив собственного нейроскана. Если записать слепок в свободный сектор, кто-нибудь сможет доказать, что фильтры существовали и кто их создавал.

Запись пошла рваными кусками и почти сразу переполнила сектор. Я держал палец над закрытием сессии, будто объём мог измениться от упрямства, но красная строка не исчезла.

Уничтожить «Феникс» я не смог. Записать себя — тоже. Оставалось вынести чип: сырые логи, след перепрошивки и обрывок слепка могли стать доказательством, если попадут к человеку, умеющему читать нулевой слой.

Я расстегнул манжету и посмотрел на предплечье. «Генезис-1» сидел под старым шрамом, в корпусе размером со спичечный коробок и толщиной в несколько миллиметров. Медблок зафиксировал бы извлечение в журнале. Хирургический манипулятор поднял бы тревогу.

Мысль «доставать самому» была простой, пока не пришлось положить руку на стол.

Я раскрыл мультиинструмент и вывел на экран схему предплечья. Я проектировал интерфейсы для переноса сознания, но человеческая рука на схеме по-прежнему выглядела для меня путаницей связей, сосудов и мест, куда лучше не лезть.

Под ребристой накладкой рукояти прятался резервуар — старая доработка на случай допроса или захвата. Мы встроили его вместе с техником, который позже умер в сервисной комнате «Олимпа». Тогда я боялся промышленного шпионажа и считал себя предусмотрительным. Теперь этот страх казался почти уютным.

Я дважды подносил лезвие к коже и убирал. На третий раз зажал в зубах рукав халата и провёл по старому шраму. Боль дёрнула плечо; кровь сразу залила пальцы.

— Твою мать...

Пришлось остановиться. Я дышал через нос и смотрел на таймер: 31:42, 31:41, 31:40. Потом снова взял инструмент.

Края раны разошлись плохо. Под кожей нащупался твёрдый чужой угол. Я сверился со схемой, повернул лезвие, передумал, повернул обратно и всё-таки подцепил корпус. Чип вышел не сразу; на последнем движении рука дёрнулась, и титановая пластина скользнула в ладонь — мокрая, ещё тёплая. Меня стошнило в корзину под столом.

Клипсы легли неровно. На третьей пальцы перестали слушаться. Я стянул рану как смог, залил спреем и заметил, как быстро темнеет рукав.

Чип я завернул в стерильную салфетку и спрятал в нагрудный карман. Через ткань он казался горячее моей кожи.

Пока диагностический буфер оставался закрыт, молчание чипа выглядело обычным сбоем связи. Это давало время — немного, но больше, чем я заслуживал после такого плана.

Окровавленный халат ушёл в контейнер утилизатора. Под ним был серый комбинезон техника с жёлтым кантом. Я вытер ботинки, вымыл здоровую руку и заметил кровь на подбородке. Рукав, который держал зубами, пропитался насквозь.

До сервисных туннелей вёл грузовой лифт. Они остались от военной базы и подчинялись «Сирину» — старому линейному ИИ без нейросетевого блока и прямого канала к «Фениксу». Диагностическая сессия уже выдала мне временный служебный токен, но «Сирин» всё равно сверял форму, обувь и заявленный участок: токен подтверждал право на проход. Когда-то кто-то убедил D не обновлять эту систему — слишком много грязных протоколов, слишком велик риск. Как же я был благодарен этому неизвестному трусу.

«Сирин» сверил цвет комбинезона, ширину шва, форму ботинок и попросил назвать участок.

— Лабораторный.

— Несоответствие маршрута, — ответил лифт.

Сердце ударило так сильно, что рана под повязкой отозвалась болью. Я посмотрел на потёртую наклейку над дверью: «Сервисный персонал реакторного контура использует код Р-4».

— Реакторный. Р-4.

Пауза длилась меньше секунды, затем лифт ответил:

— Допуск подтверждён.

Двери сомкнулись. В кабине пахло машинным маслом —

знакомо, почти успокаивающе. Я прислонился лбом к холодному металлу и рассмеялся один раз, без звука. Величайший проект человечества только что обманула старая наклейка.

Лифт пошёл вниз, поскрипывая тросами. За узким стеклом проплывали пустые лаборатории, розовый свет реакторных залов, тёмные склады. На одном уровне в кабину собирался войти техник с ящиком, но, увидев мою повязку и лицо, передумал. Створки закрылись между нами.

Чем ниже, тем желтее становились лампы. На минус двенадцатом «Олимп» заканчивался и начинался Причал.

Синий луч сканера прошёл по груди. Диагностика сообщила ему: «объект стабилен». Этого оказалось достаточно — второй шлюз разошёлся.

Воздух ударил в лицо смесью гари, еды и отходов. От ближних кубриков тянуло сладкой брагой на гидропонных плодах; от одного вдоха сводило желудок.

— Если не нюхать, сойдёт за хорошую выпивку.

Шутка предназначалась мне, но услышала её женщина с тележкой. Она покосилась и ускорила шаг.

Над Причалом висела «крышка» — пыльно-серое небо под растрескавшимся защитным сводом. Сквозь щели проступало мутное солнце. Я натянул капюшон и пошёл походкой человека, который сдал ночную смену и хочет только домой.

В кармане бился о грудь чип. Под повязкой ныла рука. Каждый встречный казался сотрудником D, пока не прохо-

дил мимо.

На коммуникаторе я набрал Алисе: «Наше место. СРОЧНО». Большой палец дважды соскользнул с отправки. Ответ пришёл почти сразу: «11 минут». Я не спрашивал, как она рассчитала время. Алиса всегда знала, сколько займёт дорога, если видела её хотя бы однажды.

Пришлось остановиться у бетонной опоры и дождаться, пока дыхание перестанет выдавать меня. Потом я снова влился в поток рабочих.

Старый Костяк когда-то был портовым краном. Теперь его ржавый остов лежал поперёк заброшенного причала, а опоры тонули в иле. Ночные грузчики работали в дальнем эшелоне доков и сюда не смотрели.

Алиса ждала под сломанной балкой, лицом к городу. За её спиной в серой пыли горели окна среднего яруса. Она обернулась раньше, чем я вышел из тени, и первые два шага сделала ко мне быстро. Потом заметила мой комбинезон, капюшон, походку рабочих вокруг — и замедлилась до их темпа.

Я не помнил, чтобы учил её этому.

— Папа.

Ей исполнилось двадцать два. Я вспомнил синтетический торт, марципановую цифру, которую она съела первой, и её серьёзное «спасибо», будто вкус не имел значения.

Алиса подошла, встала так, чтобы балка закрывала нас от верхних окон, и посмотрела на рукав.

— У тебя кровь. Ты поранился?

— Царапина, дорогая.

Она подняла глаза. Лицо осталось спокойным, но взгляд стал неподвижным — таким он бывал, когда она запоминала страницу целиком.

— Ты написал «срочно» заглавными. Раньше всегда писал со строчной.

— Сегодня в восемь сорок у тебя оценка, — сказал я.

— В восемь сорок допуск. Оценка в девять десять. Уведомление пришло в 06:17.

Она произнесла это без упрёка, но я всё равно услышал его.

— Ты пришёл отменить её?

— Я пришёл сказать, чтобы ты туда не ходила.

— Почему?

Готовая речь, которую я собирал в лифте, исчезла. Я посмотрел на город за её плечом, на мутные окна, на собственные ботинки. Алиса ждала.

— «Купель» не переносит человека, — сказал я наконец. — Она забирает навыки, речь, двигательные схемы. Всё остальное считает шумом. Оригинал остаётся в системе и гаснет.

— Ты уверен?

Я кивнул.

— Насколько?

— Девять завершённых миграций. Одинаковая картина. Я добрался до сырых логов.

— Сегодня?

— Да.

— Потому что увидел моё имя?

Врать ей я умел хуже, чем системе.

— Да.

Алиса отвернулась к городу. Грузовая цепь в дальнем доке лязгнула, натянулась и снова ослабла.

— Значит, пока там были чужие имена, ты не смотрел.

— Я верил фильтрам.

— Ты написал фильтры.

— Да.

— Фильтры, которые всё скрывали, писал я. Я думал, что отсекаю ошибки переноса. Думал, что спасаю человека от повреждений. Я... мне нравилось думать, что я его спасаю.

Алиса повернулась обратно и на секунду прикусила нижнюю губу — так она делала в детстве, когда не знала ответа. Потом оглядела причал один раз: лестницы, проход между контейнерами, грузчиков, верхние окна. Когда снова посмотрела на меня, плечи уже опустились, дыхание выровнялось. Она всегда приспосабливалась быстрее, чем я успевал испугаться за неё.

— Они придут, — сказала она. — За тобой и за мной. Я у тебя в списке привязанностей.

— Откуда ты...

— Ты оставил открытым протокол на домашнем терминале три года назад. Я прочитала.

Три года назад. Один вечер. Один открытый экран. Я закрыл глаза на секунду.

— Алиса, послушай. Сейчас не время.

— У тебя никогда не было времени. — Она посмотрела на мою повязку. — Ты всегда смотрел на меня так, будто ждёшь результата.

В кармане чип ударился о ребро, когда я вдохнул.

— Ты моя дочь.

— Я знаю, — ответила она слишком быстро.

Я достал свёрток. На салфетке с бурым краем лежал титановый корпус. Алиса протянула ладонь, но я не сразу отдал его.

— Внутри сырые логи, след неудачной перепрошивки и кусок моего нейроскана. Не я целиком — только след. Но человеку, который умеет читать нулевой слой, этого хватит.

— Ты пытался записать себя?

— Пытался уничтожить систему. Не получилось. Потом испугался, что не останется доказательств.

— А теперь?

— Теперь я просто испугался.

Я положил чип ей на ладонь. По ребру корпуса пробежала тонкая зелёная риска и погасла. За все годы она загоралась только при контакте с моей кожей.

Я едва не забрал чип обратно. Перед глазами всплыл старый экран: детская нейрокарта Алисы, собранная поверх моей базовой матрицы. Я называл это коррекцией. В докумен-

тах D она проходила как продолжение проекта.

Алиса провела большим пальцем по ребру, перевернула корпус и на долю секунды задержала взгляд на погасшей риске. Потом спрятала чип в кулаке. Она ничего не спросила, но я знал: вспышку она запомнила.

— И что делать? Кому можно доверять?

— Одному человеку в Нижнем. Если он ещё помнит свой долг, он поможет.

— Как его звать?

— Веритис. Блок G-7. Скажи: «Артур из „Генезиса“ возвращает долг». Больше никому эту фразу не повторяй.

— Веритис. G-7. «Артур из „Генезиса“ возвращает долг». Никому больше.

Она повторила всё в том же порядке и с той же паузой перед фразой. Я почувствовал старое, постыдное восхищение — так когда-то радовался идеально сошедшимся показателям. И сразу разозлился на себя.

— Мы пойдём вместе, — сказала она.

— Нет.

— Ты ранен и едва стоишь. Я знаю короткий путь в Нижний.

— Дело не в пути. Пока мой сигнал остаётся в Причале, они сначала пойдут за мной. У тебя будет несколько минут, может, больше.

— Ты хочешь остаться приманкой.

— Я хочу дать тебе время.

— Это одно и то же.

Я взял её за плечи. Под пальцами была тонкая ткань куртки и живое тепло. Хотелось приказать, кричать, сказать что-нибудь отцовское и бесспорное. Ничего такого у меня не нашлось.

— Я не умею драться, Алиса. Не умею бегать. Я даже чип вынул так, что чуть не потерял сознание. Единственное, что я ещё могу, — сделать так, чтобы они смотрели на меня.

— А потом?

— Потом попробую уйти через рынок.

— Ты вернёшься?

— Постараюсь.

— Это не ответ.

— Другого нет.

За крышами низкого сектора завывала сирена: три коротких импульса, пауза, ещё три. Протокол защиты.

Алиса вздрогнула, но не обернулась. Вместо этого посмотрела на ближайший проход и на людей, уходивших со смены. Сунула чип под одежду, расправила куртку и изменила стойку — чуть сутулее, тяжелее, как у женщины с тележкой, прошедшей мимо минуту назад.

— Восемь минут до G-7, если не перекроют третий переход, — сказала она. — Если перекроют, семнадцать.

— Беги.

— Я не побегу. На бегущих смотрят.

Она отступила на шаг. Потом ещё на один.

— Папа.

Я ждал.

— Я всё равно твоя дочь.

— Знаю.

Алиса повернулась и пошла в темпе конца обычной смены. Через несколько шагов она уже не отличалась от других фигур под серым сводом. Я смотрел, пока она не исчезла между обрушенным пирсом и контейнерами, и только тогда пошёл в другую сторону.

По дороге к рынку я ввёл в служебный идентификатор: «Z-7. Захват. Попытка похищения актива». В каналы D ушла метка с моим именем и координатами.

На экране зажглось подтверждение: ближайшие группы сменили маршрут и пошли на меня. Одна метка двигалась от среднего яруса к Причалу, вторая разворачивалась у северного шлюза. Алиса уходила на юг. Пока всё работало.

У входа на рынок я бросил коммуникатор в бак и протолкнул глубже, под тёплые пищевые отходы. Потом постоял рядом, не в силах уйти. Без экрана я больше не видел ни Алису, ни группы перехвата. Оставалось надеяться, что она не повернула назад.

Ряды «Последнего Причала» стояли так тесно, что люди проходили боком. Под гирляндами ламп торговали мясом, спиртом и лекарствами; вместо надписей над прилавками висели значки — шприц, вилка, череп. Я едва не наступил на мужчину, лежавшего между рядами. Соседний торговец

молча отодвинул его ногу, чтобы не мешала покупателям.

У прилавка с жареным мясом девочка спорила с отцом из-за деревянной игрушки. Отец считал монеты, качал головой, а она прижимала игрушку к груди и обещала не просить еды вечером. Я прошёл мимо, потом зачем-то оглянулся.

Чёрные куртки появились у дальнего входа. Двое двигались к моей метке, толкая людей с дороги. Никто не шёл в сторону южного перехода. Я позволил себе выдохнуть.

За крайним прилавком упёрся плечом в ржавую стойку. Раненая рука пульсировала. Мне хотелось сесть на пол.

Когда я поднял голову, напротив уже был Вен. Я узнал его не по лицу — лицо всякий раз казалось новым, — а по неподвижным плечам и тому, как свободно вокруг него стало в толпе. Люди обходили Вена, ещё не успев понять, почему.

— Вен?.. Я думал, D пришлёт санитаров.

— Он прислал санитаров.

Вен посмотрел в сторону чёрных курток. Те остановились у входа и больше не приближались.

— А меня нанял отдельно, — продолжил он без нажима, как терминал, который ждёт корректного ввода.

— Актив «Генезис-1». Назовите местонахождение.

— Ты хотя бы знаешь, что это такое?

— Знаю достаточно для выполнения контракта.

— Тогда знаешь, что D врёт.

— Это не относится к контракту.

— Удобно.

— Ты заберёшь меня живым?

— Желательно.

— А если актив не у меня?

— Тогда вы назовёте получателя.

Пальцы сами нашли в кармане шокер. Я выхватил шокер и нажал. Электроды впились Вену в куртку; синий разряд пробежал по проводам и погас в ткани. Вен посмотрел на них почти с любопытством.

— Не сработает.

— Вен, стой. Пожалуйста.

Он шагнул ко мне без замаха. Удар вошёл под рёбра — коротко, всем весом. Внутри щёлкнуло; воздух вышел, а новый вдох не пришёл.

Я упал на колени, потом на спину. Рынок продолжал орать и торговаться, но звуки доходили глухо, будто через стену.

Вен присел рядом и поднял мой рукав. Повязку не тронул — только провёл пальцем вдоль свежего разреза.

— Чип извлечён самостоятельно. Между извлечением и выходом из «Олимпа» прошло достаточно времени для передачи.

Я попытался вдохнуть и закашлялся.

— Ты всегда был таким разговорчивым?

— Нет.

Он посмотрел мне в лицо, затем на рынок, на входы и камеры. Взгляд двигался спокойно, но я видел, как быстро он считает.

— По вашим маршрутам и связям вероятный получатель один: дочь.

Правая рука Вена поднялась к нагрудному карману. Под тканью проступило что-то маленькое, круглое. Пальцы легли поверх прежде, чем он успел остановить движение.

— О она нееее имееет отноошения к пр проекту, — сказал я.

Вен снова посмотрел на меня.

— Мой контракт — вы и актив. Девушка в текущее задание не входит.

В его канале хрипнул голос:

— Цель могла уйти через южные переходы. Подтвердите перенаправление групп.

Вен коснулся гарнитуры.

— Отрицательно. След актива уходит к северному рынку. Перекрыть второй и четвёртый выходы.

Он не произнёс её имени. Не посмотрел на меня после приказа. Я не знал, был ли это подарок, часть его собственного расчёта или ошибка.

— Советую не сопротивляться доставке, — сказал Вен.

— А ты советуешь как наёмник или как человек?

Пальцы на его кармане сжались.

— Как человек я давно ничего не советую.

Вен поднялся и пошёл навстречу людям в чёрном. Через несколько шагов толпа закрыла его.

Я остался лежать между прилавками. По жестяной крыше

прошёл бледный свет дрона; сирены были уже рядом.

Если меня возьмут живым, до чипа они доберутся через мою память: вытащат маршрут, лицо Алисы, каждое слово у Старого Костяка.

В резервуаре мультиинструмента был не обычный яд. Состав должен был выжечь мне всю память раньше, чем до неё доберутся.

Я достал инструмент, раньше этот момент представлялся мне проще. Угроза, решение, нажатие — три пункта в аварийном протоколе. Я не предусмотрел холодный пол, сломанное дыхание и то, как сильно захочется прожить ещё хотя бы час.

Люди D стояли у дальнего ряда. Один поднял сканер.

Я нашёл большим пальцем пульс на шее. Игла дрожала так, что царапала кожу, не входя.

— Не хочу, — сказал я. Никто не услышал.

Я убрал иглу, попробовал подняться и тут же рухнул на локоть. Боль под рёбрами потемнела, стала глубже. Человек со сканером повернул голову в мою сторону.

Алиса была уже далеко — если третий переход оставался открыт, если она не вернулась, если Вен действительно солгал своим.

Слишком много «если». Я всю жизнь строил системы, чтобы от них избавиться.

Я снова прижал запястье к груди. На этот раз удержал руку.

Металл вошёл под кожу. Я нажал.

Боли почти не было. К виску поднялось тепло, в ушах зазвенела одна тонкая нота. Я повернулся на бок и прижался щекой к холодной плите.

Я выдохнул и попытался набрать воздух снова. Тело не ответило. Сердце толкнулось дважды; третьего удара я не дождался.

Слух уходил первым. Я удерживал Алису — маленькую, с выгоревшей чёлкой, на городской крыше. Я привёл её туда показать настоящее небо, но над нами была та же серая крышка.

«Оно всё равно синее, папа, — сказала она. — Просто мы отсюда не видим».

Голос Алисы растворился в шуме рынка. Торговец рядом продолжал спорить о цене. Отец девочки отдал монеты, деревянная игрушка стукнулась о молнию куртки. Я ещё увидел это. Потом не стало и этого.

ГЛАВА 2. Незванные гости

Каморка Веритиса в блоке G-7 была собрана из двух кусков грузового контейнера, бетонных блоков и всего, что нашлось под рукой. Над дверью, посаженной на арматурные петли, висела табличка: «СКУПКА. БЕЗ РЕЛИГИИ И ПОЛИТИКИ». Буквы ещё можно было разобрать, если прийти трезвым и не торопиться. Сюда не приходили трезвыми, и никто не хотел задерживаться.

Веритис принимал почти всё. За погнутую медаль давал порцию еды, за кольцо без пробы — две, а за сломанную игрушку мог заплатить больше, чем за рабочий аккумулятор. Бродяги считали его пьяным дураком и были недалеко от истины. Вещи оседали на полках, еда уходила. Торговля давала ему занятие на день и не требовала придумывать, зачем нужен следующий.

В каморке умещались стол, табурет и стеллаж с чужими остатками: кольцами, наградами, плюшевым медвежонком без глаза. У задней стены проходила труба, и с неё через равные промежутки падала капля. Веритис знал: от третьей до четвёртой успевает пройти четыре шага. К пятой добраться до двери. Он перестал считать только после первого глотка.

На столе стояли канистра и жестяная кружка с отбитой эмалью. Рядом, наполовину прикрытая книгой учёта, лежала пожелтевшая фотография. Веритис давно собирался убрать

её в ящик, но руки не доходили.

До обеда он обычно разбирал то, что принесли за прошлый день. Металл — в левый ящик, электронику — в коробку под столом, вещи с именами — на верхнюю полку. Сегодня он положил перед собой детский ботинок с целой застёжкой и не смог решить, куда его. Ботинок пролежал на столе дольше, чем требовалось, и в конце концов оказался задвинут под книгу учёта. Веритис не помнил, чтобы сам это сделал.

Он налил на два пальца и принялся. Толстый Юсур вновь разбавил пойло чем-то едким, от чего слезились глаза. Веритис выпил. Жжение спустилось по пищеводу, в животе расправилось теплом. Тремор не исчез, но кружка перестала позванивать о стол.

Где-то за двумя рядами бетонных перегородок завывала сирена. По коридору пробежали люди, кто-то закричал, свернула металлическая ставня. Веритис не двинулся. Если Д зачищал блок, бежать было поздно. Если сирену поднимали местные, скоро перестанут. Ему не было интересно, кто из них прав.

Сирена замолчала, но почти сразу завывала снова. Два длинных сигнала, пауза, один короткий. Веритис не слышал этой комбинации много лет, но каждый звук встал на своё место: периметр нарушен, поисковые группы внутри, выходы перекрывают. Пальцы на кружке сжались. Он ослабил хватку и хотел налить себе ещё.

Он потянулся за канистрой и в щели между дверью и косяком увидел девушку. Она шла быстро. Когда миновала табличку G-7, маленький объектив под потолочной балкой повернулся ей вслед и мигнул зелёным. Старые камеры блока работали местами; эту держал свежий кронштейн с жёлтой пломбой D.

Через несколько секунд в дверь ударили так, что с потолка посыпалась бетонная крошка. Арматурная петля вылетела из гнезда, дверь ввалилась внутрь. Следом влетела девушка. Она зацепилась за край стеллажа, раскачала его, но устояла.

Лет двадцать с небольшим. Серо-голубой комбинезон со Среднего, разорванный карман, грязь на бедре. Левую ладонь она держала у груди, сжав в кулак. Сначала посмотрела на Веритиса, потом — на кружку, полку со сломанным револьвером, трубу в стене и узкий зазор за шкафом.

— Веритис? — спросила она. Голос сорвался на имени, и она повторила тише: — Спрячьте меня, пожалуйста.

Подбородок у неё дрогнул один раз и замер. Веритис знал эту детскую уловку: если не шевелиться, никто не заметит, что ты боишься. Так же делала светловолосая девочка на фотографии, когда думала, что взрослые не смотрят.

В коридоре бежали двое. Тяжёлые ботинки ставили на пол одинаково, почти в ногу. Девушка тоже услышала. Пока Веритис решал, как вытолкать её обратно, она протиснулась между шкафом и стеной, втянула живот и сложилась в зазо-

ре так, что снаружи остался виден только край ботинка. Она сама нашла место и поняла, что делать; Веритис не решил, радоваться этому или нет.

Двое в чёрных бронированных куртках остановились в дверном проёме. На ботинках лежала только серая пыль этого сектора — ближайший патруль. На браслете переднего ещё мигало короткое сообщение: «G-7. Объект у входа». Жёлтые шевроны D были заляпаны пылью. Руки они держали пустыми, но кобуры были расстёгнуты.

— Где девчонка?

Веритис посмотрел на выломанную дверь, потом — на того, кто спросил.

— А вы её у меня оставляли?

— Она сюда зашла.

— Сюда многие заходят. Некоторые даже дверь за собой закрывают.

Санитар переступил через дверь. Он был моложе Веритиса. Отодвинул ногой табурет, заглянул под стол, потом толкнул Веритиса ладонью в грудь, отчего тот упал.

— Вставай, старый. Сам покажешь.

— Колено не то, — сказал Веритис. — Помоги.

Санитар усмехнулся и схватил его за ворот. Веритис встал на чужой силе, позволил подтянуть себя ближе. От резкого движения повело голову. Он упёрся ладонью в плечо санитара и на секунду замер, будто не мог решить, куда ставить ногу.

Затем его большой палец лёг в ямку под ключицей. Веритис рванул ворот вниз и одновременно ударил коленом. Не туда, куда хотел: левая нога не разогнулась. Но этого хватило, чтобы санитар потерял равновесие. Веритис подхватил его под локоть и вложил в поворот вес обоих. Тот врезался виском в угол стола. Ящики хрустнули, просели, тело осталось лежать на боку.

Второй уже вытаскивал пистолет. Веритис увидел рукоять, палец на скобе, доворачивающийся ствол. Правая нога толкнула табурет под чужое колено. Левая рука не успела до запястья и схватила за рукав. Они упали вместе. Выстрел ушёл в потолок; осыпавшаяся крошка ударила по лицу.

Санитар оказался сверху. От него пахло потом и технической смазкой. Веритис втиснул предплечье между их шеями и вдавил локоть под подбородок. Пистолет стукнулся о пол. Санитар тянулся за ним, одновременно пытаясь вдавить Веритиса в пол. Силы у него было больше. Воздуха ему нужно было столько же.

Веритис нажал сильнее. Перед глазами поплыли серые пятна, в груди закололо. Он продержался дольше, чем санитар, и ещё несколько секунд лежал, не разжимая рук. Потом откатил от себя тело, перевернулся на бок и закашлялся.

Первый был ещё жив. Он тянулся к кобуре и стонал сквозь зубы. Веритис подобрал выпавший пистолет. Он сидел на полу и смотрел на мужчину, пока тот не заметил оружие. Тогда санитар убрал руку от кобуры.

— Не надо, — сказал он.

Веритис перевёл взгляд на разбитую дверь. За ней пока никого не было.

Сколько?

Санитар назвал цифру. Две минуты, если его не поторопят с канала. Веритис выстрелил. В тесной камерке звук ударил в стены и вернулся звоном. Секунды через три его стошнило между стеллажом и стеной. Кроме кислой браги, в желудке почти ничего не было.

Когда спазм отпустил, он опёрся лбом о холодную трубу и дал себе досчитать до пяти. После проверил тела, кобуры и дверь. На запястье первого мигал комм-браслет.

— Группа два, ответьте. Группа два...

Веритис сорвал браслет, выдернул из него питающую пластину и положил обе детали на стол. Старая привычка по-прежнему была быстрее мысли.

За шкафом никто не шевелился. Даже когда прогремел выстрел, девушка не вскрикнула. Веритис отодвинул шкаф на ладонь. Девушка выбралась сама, по одной высвобождая затёкшие ноги. По лицу у неё текли слёзы, но дышала она уже ровно.

— Два выстрела, — сказала она, взглянув на оружие. — Первый в потолок. Второй...

Она замолчала и снова посмотрела на тела. Веритис поднял кружку с пола, налил в неё из синей канистры под столом. Протянул Алисе. Она посмотрела на кружку, затем на

кинистру с брагой и взяла. Пила мелкими глотками, удерживая дрожь в кистях.

— Вы их убили из-за меня?

— Они вломились в мой дом, насорили и не купили ни одной вещи. — Веритис взял кружку, когда она допила. — Ты здесь ни при чём. Не забивай себе голову чужими трупами, в ней скоро и для своих места не останется.

Алиса не улыбнулась, но перестала глядеть на мёртвых. Веритис почти пожалел, что его слова сработали. Через несколько секунд она повернула голову к двери, хотя в коридоре было тихо. Она не позволила себе забыть, что за ними идут.

— Кто ты?

— Алиса. — Она провела запястьем по мокрой щеке и посмотрела на тела. — Меня отправил отец Артур Вольт.

Веритис опустил пистолет.

— Где он?

— Не знаю. Мы расстались на Причале. — Алиса ответила сразу, но на следующем вдохе её голос задрожал. — Он пошёл к рынку. Сказал, что заставит их смотреть на него, а мне велел найти вас и сказать точно: «Артур из „Генезиса“ возвращает долг».

Слова прозвучали без пауз и поиска в памяти. Она передала фразу целиком, а затем вновь прижала кулак к груди.

— Он велел тебе повторить?

— Да. Я повторила имя, блок и фразу. С той же паузой пе-

ред словами о долге. Потом завывла сирена. Он сказал: «Беги».

— А ты?

— Пошла. Ведь на бегущих смотрят.

Алиса не стала говорить, обернулась ли после. Веритис не спросил. Пальцы вокруг отцовского подарка побелели.

Веритис сел на табурет. Левое колено толчками отдавало боль в бедро. Он положил пистолет на стол и прижал ладонь к колену. Так проще было не смотреть на Алису.

Осыпавшийся потолок. Плита, прижавшая ноги. И Артур — не боец, не спасатель, а худой учёный в пыльном халате. У него дрожали руки, когда он подсовывал домкрат под край плиты. Он боялся каждого треска над головой, оборачивался к выходу, но не ушёл. Когда домкрат лопнул, Артур взялся за обломок голыми руками. Кожа на ладонях лопнула раньше, чем бетон сдвинулся.

Потом Артур сидел рядом на полу и обматывал ему ногу кабелем от датчика. «Когда-нибудь вернёшь», — сказал он, стараясь улыбнуться. Веритис тогда послал его к чёрту. А потом обещал.

— Артур, мать его, Вольт, — произнёс Веритис. — Сколько лет прошло, а выбрал сегодня.

Он криво усмехнулся. Алиса не ответила. Веритис взял кружку, но не выпил.

— Он не вернётся? — спросила Алиса.

— Я не знаю.

Она кивнула, будто ответ помогал держаться, и провела большим пальцем по краю сжатой ладони. Раз, другой, третий. В точности так же светловолосая девочка на снимке загибала пальцы, когда пыталась не заплакать. Веритис передвинул кружку, закрывая фотографию.

— Кто ещё знает, что ты здесь?

— Люди D. В коридоре один из них сказал, что Счётчик идёт следом.

Кружка остановилась у губ.

— Вен?

— Я его не видела. Только слышала, как они его назвали. Веритис поставил кружку. Если за Алисой шёл Вен, совета он не спрашивал. Двое на полу были для него путевыми знаками; скоро по ним дойдут до каморки.

— Что в руке?

Алиса сжала кулак сильнее.

— Подарок отца.

— За ним они и пришли?

— Да.

Веритис ждал, но она не стала оправдываться или объяснять, что важнее двух мёртвых людей. Алиса смотрела на него, стараясь не моргать. Слезы опять собрались у нижних век, но взгляд оставался твёрдым.

Веритис переставил канистру на пол. Та была ещё почти полной. Можно было сесть рядом, допить, дожждаться людей D. В этом была простота, которую он ценил. И он даже не

слишком боялся того, чем это закончится.

Но долг не исчезал оттого, что должник устал. Веритис платил за всё. За еду, за патроны, за ночлег. Артур однажды заплатил за него кровью и содранной кожей на ладонях. Остальное было арифметикой.

— За шкафом есть запасной лаз? — сказала Алиса.

Веритис посмотрел на неё.

— Ты его видела?

— Нет. Вы трижды посмотрели на шкаф, когда заговорил браслет. Два раза до того.

Она не хвасталась, просто назвала то, что заметила. Веритис подошёл к столу и поднял фотографию. На угол попала кровь; он стёр её большим пальцем. Под пальцем скрылась половина детского лица. Фотография ушла во внутренний карман.

Он сказал себе, что дело только в долге, и поправил карман. Твёрдый край фотографии упёрся в ребро.

— Собирайся, — сказал он. — У тебя минута. Возьми только то, что можешь нести на бегу. Будешь тормозить — оставлю.

— Поняла.

Алиса произнесла это без обиды. Она уже осматривала каморку по-новому: не как место, где можно спрятаться, а как место, откуда нужно уйти. Слезы высохли, плечи распрямились.

Он поднял со стола жестяную кружку. На дне оставался

глоток. Поднёс к губам, постоял и вылил брагу на пол. Кружку поставил на место, но промахнулся мимо стола. Жесть загрохотала по бетону.

— И ещё, — сказал Веритис. — Меня зовут Кейн.

Алиса перевела взгляд с кружки на него.

— Но мне сказали искать Веритиса.

— Ты его нашла. — Он кивнул на тела. — А из этой комнаты тебя выведет Кейн. Веритисом звали человека, чьё место я когда-то занял.

Он встал, перенёс вес на правую ногу и подождал, пока перестанет темнеть в глазах. Алиса молча смотрела, как он выпрямляется и пробует сделать первый шаг. Левое колено сразу подогнулось; Кейн выругался и попробовал ещё раз, медленнее.

— Поняла, — сказала Алиса.

ГЛАВА 3. Приговор

Вода всё так же падала с трубы через равные промежутки, но Кейн больше не считал капли. За выбитой дверью перекликались сирены, теперь уже ближе. В воздухе смешались порох, рвота и кровь.

Алиса стояла у стены, прижимая кулак с отцовским подарком к груди. Она следила за Кейном — за тем, как он переносит вес с одной ноги на другую и ждёт, пока отпустит колено.

Кейн сделал два шага, проверяя колено. Нога держала, если не спешить и не ставить её на пятку. Для бегства этого было мало. Для того, чтобы добраться до стены, — достаточно.

Пистолет санитара лежал у его ноги. Кейн подцепил его носком и перевернул. На коже мигал красный индикатор: оружие уже передавало в поисковую сеть своё местоположение. Маяк был залит в одну сборку со спусковым блоком; выломать его без инструмента означало вывести пистолет из строя. Второе оружие работало по той же схеме. Кейн отшвырнул пистолет под стол.

Из кармана второго санитара он вытащил перевязочный пакет и нож. Полотно развернулось само и попыталось затянуть ему кисть. Кейн сорвал автоматическую ленту, обмотал колено и спрятал остаток в карман.

— Если услышишь шаги, скажи, — бросил он Алисе. —

Не смотри на дверь. Слушай звуки.

— Две минуты уже прошли.

— Значит, у нас осталось меньше.

Алиса кивнула и встала у выломанной двери. Кейн передвинул канистру и зацепил ногой развалившийся стол. Ящики разъехались. Из-под них выпал детский ботинок. Кейн наступил на него, поскользнулся и тихо выругался.

На стене за столом висела выцветшая картина с лесом и озером. Кейн вставил пальцы в прорезь у рамы и дёрнул. Холст лопнул. За ним открылась ниша под свинцовой пластиной. Он поддел край доской от стола и нажал всем телом. Пластина не двинулась.

— Да чтоб тебя.

Он перехватил доску пониже. Замок сорвался. Свинец ударился об пол так громко, что Алиса обернулась.

В нише стояла плоская серая коробка. Когда-то она была наградной: на крышке ещё держалась латунная пластина «ЗА ОТЛИЧНУЮ СЛУЖБУ», а под ней виднелись царапины на месте имени. Коробку засунули в нишу боком; один угол помялся, крышка закрывалась неплотно. Кейн вытащил её за боковую скобу и не удержал. Коробка упала ему под ноги.

Он наступил на крышку. Защёлка отлетела, ударилась о стену. Кейн перевернул коробку, вытряхнул содержимое на бетон и отбросил пустую жесть. Чёрные медали закрутились по полу. Одна попала под ботинок; он пнул её, она ударилась

о край коробки и упала в лужу крови.

Среди медалей лежал пистолет «Гвардия-5», два магазина, несколько золотых монет и чёрный цилиндр с белой буквой «Ω». Бархатные гнёзда давно вырвали; оружие было завёрнуто в промасленную тряпку, монеты катались свободно. На наградном бархате остались масляные пятна.

В армейских реестрах «Гвардия-5» проходила как пистолет. В частях её называли ручной гаубицей: тяжёлый ствол и патрон толщиной с большой палец. Неправильный хват ломал кисть, правильный всё равно отдавал до плеча.

Кейн вытер «Гвардию» краем рубахи. Палец нажал фиксатор магазина, но пружина не поддавалась. Он ударил рукоятку о ладонь, попробовал ещё раз. Магазин вышел. В основном магазине оказалось пять патронов, в запасном — три. Кейн проверил затвор, вернул основной магазин и дослал патрон. На затворе большой палец соскользнул, кожа лопнула у ногтя.

Запасной магазин ушёл в левый карман, монеты — во внутренние. Рядом с коробкой поблескивал круглый жёлтый значок с чёрным котом. Кейн поднял его, стёр грязь с морды кота и спрятал значок под подкладку куртки.

Алиса всё это видела.

— Медали не возьмёте?

— Ими нельзя стрелять.

Алиса посмотрела на соскобленную пластину, потом — на значок под подкладкой.

— Имя вы сами стёрли?

— Давно.

— А коробку оставили.

— Пистолет надо было где-то держать.

Он сказал это без усмешки. Алиса не стала спрашивать о значке.

Кейн взял цилиндр с буквой «Ω». Держал на ладони, не касаясь кнопки. Даже матовый корпус оставался холодным в разогретой руке.

— Лекарство? — спросила Алиса.

— Команда для того, что осталось у меня в крови. Переводит наноботов в боевой режим.

— Надолго?

— На несколько минут. Может, на полчаса. Зависит от того, сколько во мне ещё работает.

— А потом?

— Потом наноботы отключат всё, что не смогут удержать. Вместе со мной.

Алиса перевела взгляд на карман, куда он убрал цилиндр.

— Зачем брать?

— У нас мало времени и слишком много вопросов.

Из коридора донёсся далёкий удар металла. Алиса услышала его одновременно с Кейном и уже шла к стеллажу. Он убрал «Гвардию» в кобуру убитого. Пистолет не помещался; край кобуры пришлось надрезать ножом.

Кейн вместе с Алисой налёг на стеллаж. Металл заскре-

жетал по бетону и сдвинулся. За ним оказался лист на четырёх засовах. Алиса сняла верхний, пока он возился с нижним. Потом перешла к следующему, будто делала это каждый день.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.